

Ольга ДАРАНОВА, председатель Ульяновского регионального отделения Союза писателей России.

ТАМ, ГДЕ ЗЕМЛЯ ВСТРЕЧАЕТСЯ С НЕБОМ

О сборнике Нины Орловой-Маркграф «Простить Феликса»

Повести и рассказы Нины Орловой-Маркграф, включенные в сборник «Простить Феликса», – суровая история страны в военное и послевоенное время. Если быть географически точным, то это Сибирь, Туруханский край и Алтай, его глубинка, куда прибыли спецпереселенцы из расформированной Немецкой Поволжской Республики. Автор рисует жизнь этих людей, поволжских немцев и сибиряков из алтайской деревушки, чьи судьбы вынужденно оказались завязаны в один узел. И герои этой книги-судьбы повторяются из повествования в повествование, потому что пересекаются на жизненном пути. Иван и Анна Кочкаревы, Матвей и Кристина Сычуговы, дед Мамон, Рудик и Ариша Кох, лекарка Аграфена Ивановна, председатель колхоза Андрей Каспарыч. Времена в книге трудные – военные и послевоенные, голодные и холодные. Трудно всем, но кто-то живёт на своей родной земле, а других согнали с насиженного гнезда, лишили родины, запретили говорить на родном языке. Приходилось и оскорбления слышать: «подстилка немецкая», «фашист», «лагерница», «от врага нагуляла». Потому что война, и многим приходят похоронки... И люди это понимали и терпели.

«Простить Феликса» – суровая, проникнутая холодом повесть о людях, спецпереселенцах, согнанных с родного места проживания и попавших в трудармию на осенний и подлёдный лов рыбы. Буквально каждая страница, каждая строка повести пронизывает вас ледяным ветром и водой, в которой по колено стоят и держат канаты с утра до вечера подневольные люди. У них нет тёплого быта, дома, даже собственного угла, где бы покойно и тепло было телу и душе. Идёт война, рыба нужна, чтобы выжить фронту. А выживут ли они, горстка заброшенных судьбой в далекий сибирский край ни в чём не повинных людей, – никого не касается. Выживай как хочешь. Как сможешь. Не сможешь, ломаешься, оступишься – пропадёшь.

В бригаде Феликса Горбатко в основном женщины, ещё три старика и подростки. А в таких условиях тяжело даже бывалым, посечённым жизнью мужчинам, каким был герой повести, бригадир Феликс Горбатко. Остуженный и разоренный войной, мир этих людей мрачен, физически груб и порой бесчеловечен. У одного есть право силой взять бесправного, принудить и покорить. У другого нет никаких прав, только боль и зажатое, запрятанное глубоко в душу чувство собственного достоинства, часто поправное и униженное. Но даже и среди бескрайнего моря боли и чёрствости проступают островки добра и человечности. Выберешься на них как на спасительную твердь среди трясины – выживешь. Вот только пройти к ним, островкам этим, приходится сквозь боль и усмирение души.

Такова история Марии и Феликса. Сквозь грубое обличье надсмотрщика светит отчаянное желание любить, помочь, спасти. Отдать совсем не лишний кусок хлеба, найти чистую, тёплую одежду и обувь. Потому что нет у неё ничего с собой, у этой шестнадцатилетней, с ангельским обликом, девчоночки. И слетает внешняя грязь, и обнажается одинокая, загнанная в личину жестокости и равнодушия душа... И только бы прорасти этим росткам счастья и доброты, как лезвие жестокого мира настигает их и лишает жизни.

Её, Марии, «душа сотрясалась от какого-то долгого, мучительного, невысказанного горя, и она сама в этот момент не объяснила бы, кого и что она оплакивает». Да, резка оценка людская – «он жил как кабан и стох как кабан. Што плакать?» – но не может сердце смириться с этим. Ведь только благодаря ему выжила, пусть и не по нутру часто было. Да и в близости не был Феликс груб с ней. «Такое не скроешь...» Так простить и помнить – или забыть и пожалеть выживших? Но ведь к ней он полз из последних сил и на видном месте мешок оставил, когда понял, что не доползёт. В известном месте мешок оставил, там, куда по ягоды женщины ходили...

О чем повести и рассказы Нины Орловой-Маркграф? О жизни. О людях, страждущих в поисках счастья. «Сиротливый лунный свет жадно пробивался через тюлевые шторы, принимая к стёганому ватному одеялу, торопясь напиться любовью и согласием, которое он нечаянно здесь обнаружил и которого так мало в мире». Здесь, в этом мире, все и всё слиты воедино: земля и трава, люди и домашние животные, как косуля Катька и бычок Февралька.

Картины жизни того времени удивительно точны и правдивы: вот едут на подводах со станции бабы в узлах с младенцами на руках, вот спят вокруг них дети постарше, вот сидят, словно врытые, не шелохнувшись, прямые, как свечки, «будто уснувшие с открытыми глазами», старухи. Ты живо представляешь себе, как едут утром на работу на трясковой бричке среди гремящих бидонов доярки.

Все детали сюжетов разных повестей – куклы-чурочки берёзовые, завернутые в пленку, выдолбанное на речке бельё, штaketник, прогретый навозом и сухой дорожной пылью, – все они создают единую картину многотрудной жизни послевоенной деревни.

И в каждом рассказе, повести персонажи живописнейшие! Всё взято из жизни, не придумано, потому что придумать такое невозможно. Жизнь здесь шла единым домом, единым двором, всей деревней. Вместе рождались и умирали, сватались и крестились, грустили и смеялись. Плясали всей

улицей, всем двором, месили загорелыми ногами разогретый на солнце песок.

Дети в деревнях в те времена выросли быстро, как Дусик, как Егорка, в их взрослости светились мудрость народная, которая без возраста, и святая чистота. И беды, и заботы у взрослых и детей тоже общие, потому и переживает Егорка за Крестинью, что нет у неё деток, и спешит к деду Мамону за помощью и подкидывает глиняную игрушку в карман Матвею Кузьмичу... И радуется по-взрослому за Крестинью, ждущую ребёнка. Потому и частушки они пляшут в одном кругу, и провожают в последний путь, как плакальщица Нюся, потому что душа с малолетства впитывает и продолжает традиции своих предков.

Всё есть в этой жизни – и бесшабашная радость, и беспричинное широкое веселье...

Есть в этой жизни и любовь, когда «отступает смертный страх, ежедневная маета жизни и зарождается что-то таинственное и счастливое – в сердце, душе, крови». Светлая и крепкая любовь, как у Ариши и Рудика, материнская любовь-подвиг как у Веры, взявшей себе детей умершей Фриды.

Сила нашей земли – в её людях, в тех, что дают надежду даже, когда нет веры в неё. Как они это делают? Да по-разному. Вот старичок в поезде подаёт Андрейке, спешащему увидеть и проводить в последний путь умершего братку, кусок хлеба с тонким ломтиком сала и серпиком яичка сверху: «А кто тебе сказал, что он умер?» И этот кусок хлеба, и эти слова вселяют надежду в ушедшего в свою беду парня, придают ему силы и веру – а вдруг?

«Жили-былный период» стихов Нины Орловой-Маркграф – это воспоминания, которые «не исчезли, но живут в надзвёздных горницах, в светлицах мироздания...» Это и воспоминания юности, когда, работая медицинской сестрой, «жила тогда их жизнями, смертями, / О каждом радовалась и скорбела я». И вспоминаются сквозь годы четыре капельки крови на белой тарелке, ушедшие жизни, их унесло время, война, голод и болезни, их плоть высохла и рассыпалась щепотью таинственного праха, роднящего нас всех.

Поразительно: коронавирус ещё не успел стать историей, а у Нины Маркграф он уже проживает в стихах! И проживает как хозяин, зловещий демон, невидимый, неосязаемый, снайперски точный.

Древней историей веет в камышинских степях. А в трёх четверостишиях короткого стихотворения «Счастье», быть может, и выражен ёмко и сконцентрированно рассеянный по всему творчеству автора смысл всего написанного: всепобеждающая любовь, сквозь все тяготы и лишения этой «горестной земли». Сила любви и сила веры в её стихах «Сыночек», «Будущее мира», «Трисвятое».

«Дом ваш ещё стоит, березу же спилили...»

Стихотворением «Последнее наше тепло» начинается алтайский цикл стихов. О детстве на родине, о жизни в родной деревне. А родина, она там, где чувствуешь холод другого и можешь согреть его своим телом или слиться в одно тело с домом, деревом, телёнком Январушкой. Родина, она засветит тебе однажды зарянками андроновской школы. Родина там, где «вкусна вечерняя роса, сок божий, сладость, лакомство теленку, / Когда левкой и слюнку он мешает с водою росной». Родина вскрывает все недра земли и воды, все истоки рек алтайских и сибирских – Кулунды, Катунь, Бии, Иртыша и Кызыма, все поймы и разливы, всё изобилие рыб и племён, что жили по берегам рек. И продолжается эта жизнь на земле и на небе, в реальности, в мифах и легендах, в межзвёздном океане, ведь смерти нет нигде...

Как пишет Нина Маркграф? А как живёт река? Тихо и плавно, волнующе и стремительно, широко и доверительно.

Каждое стихотворение – фрагмент народного эпоса с героем и его судьбой, и герой может быть не только человек, а к примеру, берёза, которую спилили...

Земная жизнь, родные люди, их судьбы, а также родные места, берега, погосты, камни, деревья – всё переходит в жизнь небесную. Она не пишет, а рассказывает, как пели-сказывали когда-то на Руси гусляры. Слово поётся, катится камешком по дороге, разматывается нить памяти. Слышится былинный распев в «Камешке», когда ходили по дорогам юродивые, слепцы, люди странные, Божьи, далеко сердцем видящие, «вороны белые». Правду говорили, в которую не верилось, за которую камнями закидывали, да только всё так и выходило, как сказывали: уходили деревни под воду, вместе с «кузницами, мельницами, огородами», только кресты от погостов над водой плыли...

Потому и веришь и плывёшь за Стюрой к черте, где земля встречается с небом и словно бы соединяется с ним... Так вся наша жизнь, суетная, с болью и войнами, добром и злом, зимами и веснами, правдой и заблуждениями имеет смысл и продолжение в молодых облаках в белоснежных рубашках.

А заканчивается книга, как и начинается, историей любви. Только в завершающей повести всё хорошо, по-доброму светло. В стёртых и близких буднях, наполненных голодом и страданиями, где единственным желанием подневольных людей было желание выжить, брезжит вновь свет любви. Любви-помощи, любви-сбережения, без испепеляющей страсти, без ярких слов признания. Скромной, но вечной любви, которую сохранили для двоих семь мешочков соли, спасли их, сохранили им жизнь, дитя и любовь.

